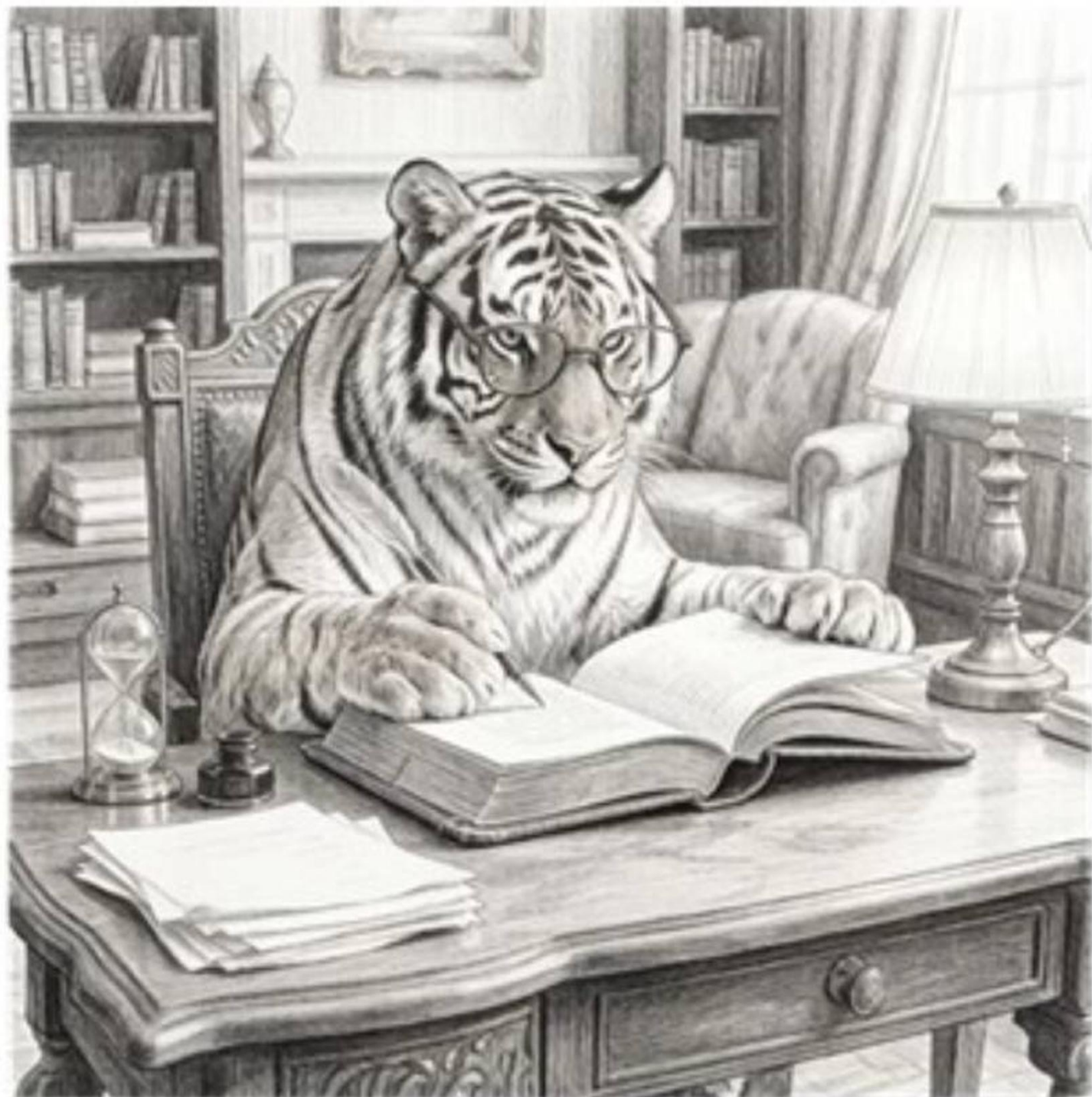

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А.Александров

ВРЕМЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Андрей Александров

Время возвращаться

«Автор»

2026

Александров А.

Время возвращаться / А. Александров — «Автор», 2026

Современный роман с элементами классического о поиске смысла жизни и настоящих чувствах в сегодняшнем мире. Трое взрослых мужчин снимают по комнате в питерской коммуналке и становятся друзьями. У каждого своя история, как он оказался в жизненном тупике и одиночестве. Но история эта не окончена, ведь у каждого есть своя тайна и своя любовь. Имеются сцены употребления бранных слов, алкогольных напитков и курения табачных изделий разных производителей. Реализм.

© Александров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Александров

Время возвращаться

Глава 1

Поезд в Петербург

Начало было в поезде. Начало было в последний день осени. Начала вообще не было.

Истории не начинаются и не заканчиваются, они существуют всегда, как солнце. Египетское солнце, под которым менялись династии фараонов, росла пшеница, ловилась рыба, совершалась любовь и так от восхода до заката, от восхода цивилизации и до заката времен. Клинышки, птички, песок, и тебя нет, а есть тело в бальзаме из трав и в бинтах и глиняная свистулька рядом, ты так ее любил при жизни.

Важно кто ты в этой истории, фараон, наложница или птичка в клетке, купленная у южного купца и радующая своим неземным голосом. Любовь везде, все любят друг друга и птичку, птичка тоже любит всех. Потом песок, кирпичи из глины и новый фараон ведет новую любовь смотреть на бога Ра.

Один и тот же спектакль, только актеры разные. Это было тогда, это и сейчас так. Спектакль не изменится от набора актеров, он бесконечно больше участников, это – концепция, основа жизни, столп. Александрийская колонна. Важнее, что произошло, а не с кем, не так ли?

На сцене театра хороший актер – это тот, кто концептуально умер. На сцене жизни тот молодец, кто красиво выжил.

Хорошо на Корсике лежать на берегу залива в тени зонтика на пляже гостиницы для своих, держать в руках сложный напиток с содержанием кофеина и рассказывать юной подружке про трудное детство, ночь под мазутным баком и игру в орлянку на пайку хлеба. Хорошо победить, и совсем не важно кого, хоть себя.

Пляжный коктейль – ничто. Белый песок – ерунда. Победа – всё. У тебя подружка на мокром полотенце рядом, потому что другие погибли, а ты победил. Давайте из всех спектаклей этого мира смотреть только про победу и поражение. Пробитый копьем щит, брошенный в испуге дуэльный пистолет, брокер, поднимающий вверх раму американского окна.

Вы в своей жизни и читаете про чужую. А кто-то читает про вашу.

А еще есть те, кого тянет на подмостки в таких раскладах, каких не бывает. Эту сцену играют не каждый год и не в любом театре. Как ты здесь оказался, кто впустил? Обычно это – игра на жизнь с большими ставками. А какие ставки большие? Вы или уже знаете это, и тогда в самом конце скажете «точно, так все и было», или не поверите, а для таких читателей в тексте есть описания природы. Некоторые любят.

Глеб сел на кровати. Проспать сутки не удалось, и все, чем может угрожать тебе тело после зря столько выпитого, проявилось так просто, откровенно и явно. Головная боль изощрялась, будто по учебнику неврологии, с булавкой в лимбической части мозга и молоточком у уха. Только двинься – и сам знаешь, что будет. Язык был сухим, толстым и шершавым, как у кота или кошки. Алкогольная и бытовая депрессии переплелись выюном и стеблем, чтобы лучше морочить голову психиатрам. Как раз у психиатров Глеб еще не был. Пока не был.

Глеб сидел на кровати и смотрел на луну в три часа ночи. Всё, что круглое, эротично. Искривленная оптикой холодного тумана, луна была круглой, с ней можно поговорить. Круглая женская попка. Вечная ценность. Белая в недостижимой вышине. Ради этого стоит жить.

Весь дом спал. Глеб искал сортир, открывая медленно двери, и он его нашел. Мышь, сидящая под ванной на кафельном узоре, без паники засеменила в тень. Паутина качалась, но никто не вышел. Что-то жизненно шуршало в шкафчике. Ну, не летучие мыши, нет.

Живот кухни урчал холодильником «Москва» с эмблемой, щедро залитой рубиновой эмалью в сталинские времена. Внутри холодильника мутная банка содержала соленые огурцы в стеблях укропа и иной травы. Волшебство этой банки было неоспоримо. Глеб выловил ватными пальцами твердый огурчик и откусил. Он выжил. От корня языка вкус усиками наполнил всё тело, заполнив всё, даже древнюю часть мозга, утерявшую свою иголку. Только совсем дураки считают, что обычный оргазм лучше. Не лучше. Этот лучше.

Глеб интенсивно выдохнул и достал второй. Второй огурец уже был более осмысленным, он обнаружил аромат черной смородины, и все встало на место. Вологодский посол, для тех, кто понимает.

Глеб удивился, что жизнь, с которой он уже попрощался, ушла недалеко и вернулась, как верная жена, пережившая кризис отношений. Быстро вернулась и будто и не уходила, пока он не передумал.

Пройдя по темноте безграничной ленинградской квартиры, он снова очутился в своей комнате и снова луна показала ему всё. Из окна виднелась набережная Грибоедова, черная вода и дома, где спят люди. Как он здесь оказался? Он вспомнил.

Побег случился внезапно. Последние дни все случилось внезапно. Он пошел на Ленинградский вокзал и дошел до хвоста поезда, едущего на север. Втянул носом запах шпал как беременная, и вдруг понял, что хочет ехать в поезде. Уже месяц, как никаких желаний у Глеба не было, поэтому он обрадовался и такому. Возвращаться в неубранную квартиру не хотелось.

В билетной кассе толстая женщина посмотрела на него армянскими глазами.

– Есть такой поезд. Будете брать? Из Сухума, транзитный, стоит 10 минут. Это то, что вам надо. Я знаю.

Глеб попросил ехать подольше. И чтобы билеты недорогие. Женщина с армянскими глазами ему помогла. Он заметался, решая, забегать домой или не успеет, и решил, что забегать.

Сейчас он лежал один в купе, как на своих похоронах, сложив руки на груди, и слушал, что в коридоре. Никто не вошел.

Движение вниз, как движение электровоза, поезд едет – ты скользишь вместе с ним, поезд горизонтально, а ты – вниз. Садись на детскую горку, потому что тебе в самый раз, тебе три годика, и – вниз. С каждым годом в этом скольжении все меньше восторга и все больше страха, сначала веселого страха, а после просто страха. Так ты перестаешь быть веселым.

День в ноябре гармонировал с обстановкой в вагоне и его мыслями. И дождь шел, и дуло, и болела голова. Путешествие начиналось. Глеб провел рукой в щели между полкой и стенкой, и пальцы стали в черной пыли, то ли уголь, то ли просто такая пыль черная.

Он свободен, он может начинать новую жизнь. Может спать сколько влезет, а не вставать в шесть утра, может гулять и ни перед кем не отчитываться. Представляете, встать в шесть утра, чтобы успеть на пятиминутку в седьмом хирургическом! А он всю жизнь так прожил. Потом одна или две операции, потом коньяк. Потом коньяк дарить перестали, поэтому водка. Потом на такси домой.

Жизнь со свободным временем дала Глебу возможность перестать барахтаться и стать созерцателем. Он узнал, как мало можно сделать за день. Один раз даже поставил бутылку с шампанским у кровати, чтобы утром выпить и так начать день, но попытка сорвалась, сонными пальцами он не смог вытащить дешевую пластиковую пробку. Поэтому аристократического утра у него не случилось.

«Это не кризис среднего возраста, потому что я сам не среднего возраста. Это просто конец».

Когда тонешь много лет, понимаешь, что ничего нельзя сделать, если стараться, то просто тонешь медленнее, но не всплываешь. Нужно достичь дна и оттолкнуться, если будет чем, если хватит сил, если воздух еще не кончился. А можно и не отталкиваться.

Наконец, появляется взгляд, где нет желания понравиться или даже быть принятым. Есть такой неуловимый момент, когда вдруг становится не важно понравиться, и это надолго или навсегда.

Когда он только начинал самостоятельную жизнь, у него была футболка с надписью Art Harpening, кооперативная, и джинсы Levi's. Глеб навсегда запомнил, как он в день зачисления в Первый мед пил газированную воду «Дюшес» среди опытных ос, живущих вокруг стаканов у метро Октябрьская. Спустившись затем в парк Горького, он понял, что денег не хватает даже на мороженое, и это вызывало почему-то восторг. Так красиво начинать с нуля, такой кайф. Потом ему долго снились сны, что он может подпрыгнуть и уткнуться в небо, и никогда не упасть на землю, если правильно подгрести воздух под себя руками. Шагая быстро по тротуару, он иногда подпрыгивал, если никто не видит. Почти получалось.

Сейчас он в точно таких же джинсах, с красным лейблом и галочкой, и в любимой футболке цвета абхазского лимона. И снова у него ничего больше нет, в этот раз нет даже счастья. Будто он прожил до самого конца ту жизнь в газированном лете, а теперь «Дюшес» кончился, монетки потратили, и осы улетели.

Через какое-то время он услышал мужской голос, громкий и утробный, что-то весело вещающий, а к нему, как бесплатное приложение, женское радостное хихиканье. Из коридора появился попутчик с очень потрепанным брезентовым рюкзаком и проводница, красная от смущения и смеха, смотрящая на спутника с обожанием незамужней трактирщицы при виде ражего купца с ассигнациями.

– И тут этот проверяющий, боров с вот такой харей (мужчина показал с какой), хлопает Толяна по плечу и говорит: мне женщина в тулупе сказала, что нет у вас тут никаких медведей. Поэтому берданку надо сдать. А Толян ему: конечно, нет. Они же тигров боятся! А вы сзади шагов не слышали, пока сюда шли? Это не удивительно. Это потому, что тигры очень тихо крадутся.

Оба старательно засмеялись над смешной историей. Глеб понял, что не свезло, и сел на полке, чтобы протянуть руку. Лицо его ничего не выражало, кроме досады.

– Дядя Митя, – сказал дядя Митя, подержал ладонь Глеба, как кошка мышку в лапах, и узнал его имя.

– А это Сашенька, она нам будет готовить чай, да, Сашенька?

Как ни странно, проводницу такая фамильярность не смутила. Они были знакомы уже минуты три. Для дяди Мити этого было достаточно для сближения.

– А ты, Глеб, какой-то мрачный. Ты, видимо, еду забыл. А у меня она есть.

У Мити в самом деле было, он стал доставать из рюкзака, пошел запах теплого бородинского хлеба, отдельно появилось копченое сало, уже порезанное и слипшееся. Что-то в газете добавочно пахло рыбой из рюкзака.

По закону жанра должна была появиться водка, и она появилась, в подозрительной нездешней бутылке, но так ничего, по словам хозяина.

Глеб взял стальной стаканчик, куда Митя успел плеснуть из бутылки. Это было в самом деле хорошо.

– Так, у нас пить не положено, – не очень уверенно воскликнула проводница, принеся шесть стаканов чая с лимоном.

– Что тут пить, красавица? На двоих-то? Да там уже все закончилось. Иди, я скоро приду. Митя подмигнул.

– Пойду потом к ней, она веселая. Александра!

Глеб смотрел на крупное, привыкшее к физическому труду тело, обветренное красное лицо, и не мог понять, кто перед ним. Куртка была очень дорогой, с иностранным флагом на рукаве и огромным капюшоном-трубой. Рюкзак родом из детства, такие приносили из армии в 1945-м. Словно угадав его вопрос, дядя Митя ответил:

– Сейчас я геолог. На сегодня так. В отпуск еду или даже пожить, не решил еще. Погулять точно.

Дядя Митя исчезал, возвращался, наливал, добывал дополнительную водку, приносил какие-то рогалики и шпроты и непрерывно рассказывал, вроде как говорил с собой и не ждал ответа. Но все же собеседник был ему нужен. Он рассказывал про контрабанду китайского чая, какие растут травы в Сибири, а главное – какая там рыба. Про рыбу, видимо, все так и было.

Глеб подобрел и стал кивать в такт, и самостоятельно мастерить бутерброды. Потом попутчик ушел, унеся с собой сдвигающий воздух баритон и ощущение силы, которую хотелось иметь на своей стороне. А Глеб остался с закусками и редкой бутылкой, которую и изучил от нечего делать со всех сторон.

Через какое-то время он понял, что алкоголь на него не действует, ну то есть вообще. И это надо всем доказать. И вот он уже в тамбуре объясняет солдату отличие эндоскопической операции от полостной, потом стоит, прислонившись лбом к ледяному малопрозрачному стеклу, а потом, когда вроде отпустило, бредет, шатаясь, в свой вагон и засыпает, забравшись на чужую верхнюю полку, свесив руку вниз. Полка раскачивается вместе с вагоном, а он спит.

Глава 2

Прибытие

Какой безработный встает в шесть утра? Тот, который в шесть утра приехал в Санкт-Петербург в такой день, когда шесть утра — это ночь. Он встает со своим тощим полотенцем, чтобы постоять в очереди в туалет и умыться, пока вагон качается на пригородных сортировочных стрелках. Ему хочется пить.

Когда Глеб дошел до купе, он обнаружил там не ночевавшего Митю и стаканы с чаем, и какие-то бутерброды явно ручной работы, некоммерческие.

– Я говорил, что Сашка – огонь? Говорил. Теперь вот – ешь.

Глеб стал слушаться. С Митей так было лучше для всех.

Петербург оказался длинной платформой, вдоль которой быстро прошли люди под чугунные своды с заклепками, а Глеб всё стоял у чужих вещей, курил неизвестно чьи сигареты и думал, как он оказался в этом месте. Вокзал он помнил несколько иным.

Дядя Митя появился с какой-то старушкой в оренбургском платке, древней, как Российская Империя. Старушка с одобрением посмотрела на него прозрачными глазами, которые полвека назад были голубыми.

— Вот, мать, будет у тебя сразу два сына. Это, между прочим, истинный доктор, так что давление померить или таблетки от головы – он всегда приходит на помощь. Заселяй.

– Пойдем, я нам жилье нашел, – обратился он к Глебу, который и забыл, как жаловался, что не знает, где жить, что только думает, идти ли к другу или неудобно.

Витебский вокзал встретил плиткой, какую уже не делают. Рассматривая красоту для состоятельных господ, дядя Митя чуть не утерял устремленную на выход арендодательницу. По ее словам, идти до дома было совсем близко, и скоро тройца проследовала Семеновской Площадью в неначатом утре.

Обещанный дом встретил всех непрактичной парадной. У входа содержался велосипед «Турист» со спущенными шинами. Время, когда его могли украсть, прошло. Широкая лестница винтом огибала неработающий лифт не нашего века. Огромные окна выше роста освещали торжественные ступени, а плитка на полу прямо напоминала вокзальную. Глеб встал на колено и провел по ней рукой, она была голубой и прохладной, как молоко в романе. Дверь в квартиру на втором этаже выглядела высокой в сравнении с хозяйкой, которая пригнулась, тыкая в замочную скважину ключом. Дверь открылась.

Глеб подумал, что Пушкин где-то тут ходил и наверняка всё это видел.

В квартире оказался коридор, от края до края, проходящий через пять комнат так, что все они стали проходными, каждая будто вобла, нанизанная на нитку. В дальнем конце за комнатами находилась увеличенная кухня с дверью в ванную. Высокие окна без форточек вынесли сто девяносто пять лет безупречной службы, несли ее и далее, с оптимизмом петровского гвардейца. Часть окон выходила во двор и в них не наблюдалось ровно ничего интересного, кроме окон напротив, заклеенных папиросной бумагой, чтобы не подглядывали за моющимися, потому что стыдно так делать. За ванной шёл черный ход. Заметно, что помещение строилось нежилым, и на квартиру никак не похожим, – скорее биржевая или ссудная контора с кассой, – но революция все изменила. Старушка Нинель Ильинична теперь всем владела, как вдова капитана, и пускала жильцов, более для порядка, чем для денег.

Из пяти комнат четыре всегда сдавались, но не очень охотно. Обои конца девятнадцатого века выглядели как коричневая оберточная бумага, покрытая пятнами, мебель также копилась постепенно, оставаясь непрактично массивной, как Lincoln Mark VIII. Сами же комнаты были огромными, с высокими потолками, закопченными еще керосинками или свечками. По

возрасту дома, керосинки палили совсем недавно. Всюду лежали газеты с желтыми листами, например, «Красный балтийский флот», которую Глеб успел повертеть. «На баке уже боцман Буков толкует молодому, как нужно стальной конец на барабан лебедки брать».

В этот день Глебу было всё не важно, он упал на пыльный диван, укрытый советской, пахнувшей ящиком, простыней, и уснул не самым здоровым сном. Он проспал день и проснулся глубокой ночью, минут двадцать соображал, где он, для чего пришлось совсем встать.

Побродив по квартире в свете луны, дежурно близкой и близко знакомой, он прошел мимо других спящих и узнал, что комната его третья.

Глава 3

Появление профессора

Утром Глеб крутился на диване с пружинами, сползая по наклону к стене, где у него нога попадала в щель и затекала. Всю ночь до этого он так просыпался, спасал ногу и засыпал дальше. В этот раз заснуть уже не удалось, ему показалось, что в комнате воркует голубь. Это старушка что-то говорила на кухне, откуда также доносился перекрывающий ее бас, с интонацией восторженной и деятельной.

Глебу очень не хотелось коммуникаций, но пройти в ванную требовалось, поэтому он пошел в носках по деревянному полу, надеясь, что никто этих носков не увидит. И надо бы проскользнуть незаметно. Так не вышло, на пересечении с кухней дядя Митя поймал его и усадил на табуретку. На столе была свежая яичница-гулливер с черным хлебом и луком в чугунной сковороде. Оказывается, Митя встал очень рано и уже разведаль все в округе, особенно про еду. Глеба усадили за яичницу. Рюмка водки, добрая, купеческая, очень красивой формы, расширяющаяся кверху и вмещающая честные имперские пятьдесят грамм, прилагалась к трапезе.

– Дядя Митя, зачем вы так утруждаетесь, я бы сам как-нибудь.

– Сам, Глебчик, ты кипяченую воду приготовить не можешь. Сиди уж. Не умеешь о себе позаботиться, так и ешь молча. Бабуля, есть какая-нибудь салатница? Мы туда лед из морозильника наколем, а то нам теплое нельзя. У нас на Севере я бы снега с улицы принес, но тут уже ноябрь заканчивается, а снега нет, – сказал Митя, сконфуженный погодной перверсией.

– Есть, сынок, у меня все есть, – бабушка полезла по пояс в один из многих шкафов с посудой и достала капитальную хрустальную емкость.

Для полного счастья Глебу нужно было покурить, и оказалось, что и это можно. С ощущением явного волшебства происходящего, он то тянул красную сигарету LM, то клал её, тлеющую, на край блюдца. Тогда воевал с глазуньей, вилкой отламывая пережаренную корку, которая хрустела, как новый лед на лужах. Желток все залил в итоге, и еда кончилась.

Чай в гигантской чашке с выплывшим розовым тюльпаном был очень слабый и очень горячий, так нравилось хозяйке. Он пах яблоками, они же плавали внутри пергаментной сморщенной спинкой вверх, что можно увидеть, приподняв крышку заварочного чайника. Нинель Ильинична заливала кипятком сушеные яблоки – антоновку, заготовленную с сентября.

Дядя Митя дискутировал с хозяйкой, можно ли делать яичницу в Рождественский Пост.

– Посмотрите на него, бабуля, он же болезный. Ему можно?

Хозяйка пожевала губами и молвила:

– Ему, пожалуй, будет на пользу, он отошальный. А нам с тобой, сынок, нельзя. Я буду солить капусту на заварной горбушке, перебежусь с божьей помощью.

Дядя Митя строил планы, и всем было понятно, что ему здесь нравится.

Рюмочная на 7-ой линии очень гармонировала с настроением. Несмотря на разгар двух часов дня, народу там было вполне нормально. Народ этот являлся завсегдатаем в своей массе, поэтому очень хорошо знал, что ему надо, и головой по сторонам не крутил. Раз – и котлетку. Или раз – и бутерброд с сардинкой. Раз!

Все столики были поделены между незнакомыми, только Глеб всех отпугивал выражением лица человека, отходящего от социума. Его столик был сверх меры уставлен закусками, которые в русских романах называли бы немудреными. Они были из меню. Увлечение холодными закусками шло из детства, из восьмидесятых. Обязательно пальцами достаём свисающую квашеную капусту из банки и едим жадно. Находим скользкие грибы и ловим их, как умеем. Это необязательно грузди, как раз могут быть и опята, они тогда массово произрастали. Черемша, чеснок. Никто не делал горячих закусок, зато с холодными все было отлично.

В рюмочной это тоже понимали и налегали на поздний Советский Союз, каким его помнили посетители. Кислый ржаной хлеб подавался по рублю за кусок. Другой к балтийской селедке с луком не подходит.

Мужчина в мокрой ондатровой шапке и нездешнем пальто остановился посреди зала, не ожидая, что не будет мест. Он с сомнением обводил глазами столы, но время было неудачное, к тому же дождь. Это мотивировало тех, кто брал то две, то три рюмки, взять три. Никто не выходил.

– Остаться, – Глеб сказал это утвердительно, поднял графинчик и покачал им в воздухе.

– Что, простите? – спросил незнакомец. Такое же кашемировое пальто Глеб когда-то хотел купить, пока не узнал, сколько оно стоит. Но оно ему продолжало нравиться.

– Вы думали, уйти или остаться. Ставьте портфель на пол и берите гриб. Он нормальный.

Глеб пододвинул незнакомцу один из своих стаканчиков, в котором приносили «Самогон бабы Глаши» для дегустации, и наполнил его из графина.

– Мы, интеллигентные люди, должны держаться друг друга в капиталистическом мире.

Незнакомец поставил портфель, положил длинный исландский шарф на стол и вытянул руку.

– Михаил Львович. Я с вами согласен.

Глеб предполагал, что его нового друга придется упрашивать брать из богатой коллекции закусок, но этого не случилось. Миша очень хвалил ординарную квашеную капусту, которой закусывал.

Быстро выпив три стаканчика чужой водки, он начал рассказывать. Это было бессвязно, он вроде как и хотел поделиться, но скрывал важные детали, и рассказ становился бессмысленным. Глеб решил уточнить.

– Михаил!

Незнакомец очнулся.

– Михаил, я не понимаю, почему ваша жена так встревожилась.

– Она не встревожилась. Она меня выставила.

– За что?

– Да просто так. Ни за что. Знаете, кто я?

Глеб не знал.

– Я – профессор в университете. История искусств. Вечная тема. Теперь понятно?

– Неужели из-за студенток? Увы, это побочный продукт такого труда.

– Ну, можно и так сказать. Я, видимо, потерял способность внятно излагать. Она не понимает, что ничего не было и не могло быть.

Ну, что не могло, Глеб сомневался. Отчего ж и не могло? У него, скажем так, не вдаваясь в детали, могло. Но люди разные. Глеб Александрович зауважал своего нового стойкого друга.

– И из-за этого вы собрались жить в гостинице?

– А куда мне деваться?

– Берите свою шапку и шарф, они очень ценные. Пойдемте ко мне. Я нашел вам место, где жить.

Так он провел своего нового друга, как вели его самого позавчера, темными сырыми улицами занимать комнату номер четыре. Они все-таки дошли пешком.

Глава 4

Катя

Правильно натянуть это одеяло у Глеба не получалось и прошлой ночью, а этой стало очевидно, что ноги его удлинились и торчат наружу. Под утро был шум со звонком в дверь и видения. Бледная тень утопленницы прошла вдоль стены. А потом вернулась. Он опять засыпал, чувствуя спертый воздух и что утром голова расколется надвое, как полено от колуна. Зря он вчера все это с Мишей. Даже сожалеть об этом было противно.

Чем ближе к заре, тем отчетливее проявлялся реал. Дядя Митя что-то радостно басил из кухни, текла вода, в том углу разгоралась жизнь. Теперь заснуть удавалось минут на пять, а потом что-то снова интерферировало со сном и сну противоречило. Глеб встал. В полезных шлепках с пупырышками и универсальных спортивных штанах двинулся к туалету, но в него не зашел, там уже кто-то принимал душ, что было слышно. Закрыто на крючок. Глеб сел на табуретку.

Дядя Митя стоял у плиты и что-то жарил, по запаху похожее на колбаски или сосиски с бобами в томате, при этом рассказывал охотничьи истории бабе Нине. Баба Нина не верила.

– Сынок, я может чего не понимаю, но у него дробь девятка уже была в стволе, так? Ты сам сказал.

– Так, – сказал озадаченный дядя Митя, понимая, что рассказ не сходится, и перевернул сардельку.

Из ванной вышла одетая в пижаму девушка с мокрыми волосами и тоже уселась за круглый стол, где еще хватало места. Говорить всем стало неловко. Девушка подобрала под себя ноги так, что колени стали выше стола, и положила на них подбородок.

Хотя дядя Митя единственный был при деле, говорить пришлось тоже ему.

Указывая поварешкой на сидящую, он рассказывал:

– Глебыч, нас стало больше, как видишь. Ты сам хотел найти баб, чтобы не готовить, но вышел облом, – он весело обвел глазами стол, – эта с коленками – Катя. Она сама сюда пришла утром, но оказалось, что готовить она не умеет.

Катя покачала головой отрицательно, и сделала руками как на эмодзи, что не со зла мол, но просто не умею. Лет ей было немного.

– Я могу кашу сварить. Сестре варила.

– Кашу? Глеб вчера хотел шотландский завтрак. Ты хоть знаешь, что это такое? Загугли! Кашу! У меня для него не хватает только кровяной колбасы, жарим ливерную. Каши там нет. И этот ваш новенький, мне его шапка понравилась, он собирается встать?

– Он вчера перебрал слегка. Возможно, даже не слегка. Это семейная драма, – объяснил Глеб.

Девушка фыркнула и прикрыла рот рукой.

– Я думаю, встанет. Запах уже по всей квартире, – дядя Митя полез в морозильник за водкой, что сохранилась в запотевшей бутылке.

– Эй, красавица, можешь хотя бы нам рюмки поставить и льда вон в ту байдю из хрусталя насыпать?

Глеб подумал, что незнакомая девушка обидится, но она опустила ноги и забралась в холодильник выламывать из древних формочек лед.

Разбуженный шумом, Михаил пришел на кухню через минуту, перед этим на всякий случай одевшись.

Девушка торжествующе посмотрела на него, ничего не говоря.

Он здорово испугался, увидев ее. Даже забыл смущаться.

– Ты что здесь делаешь?

– Живу. Как и ты.

– О господи.

Трудно было понять, огорчен он или нет.

Имперских рюмок нашлось все четыре, и Катя в этот раз вскочила сама и тщательно их вымыла, сняв с полки у самого потолка, для чего балансировала на одной ноге на табуретке. Было страшно, что она грохнется, но и смотреть на это тоже было неприлично.

Она поставила рюмки всем и себе.

– А тебе можно, красавица? – спросил с подозрением дядя Митя. – Паспорт есть?

– Есть у нее паспорт, – вдруг сказал профессор. – Как ты меня нашла? Я сам не знал, где ночевать буду.

– Я твою рюмочную знаю. Я следила.

– Как шпионка? – заинтересованно спросил Митя

– Не. Как разведчица.

Все помолчали, потому что шотландский завтрак должен быть горячим и о чем речь, если и так все ясно. С нами разведчица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.